

политика

С.М.Хенкин

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ: ПРОЕКЦИЯ НА ПОЛИТИКУ Опыт Испании

Сергей Маркович Хенкин — доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, председатель Редакционного совета журнала «Полития». Для связи с автором: sergkhenkin@mail.ru.

Аннотация. Постиндустриальная эпоха, в которую вступил современный мир, радикально изменила структуру рынка труда. Заметно снизились роль и доля занятых в первичном (сельское хозяйство) и вторичном (промышленность) секторах экономики, напротив, резко выросли значение и численность работающих в третичном (сфера услуг) и четвертичном (сферы образования, науки, здравоохранения) секторах. Между тем, в отличие от первичного и особенно вторичного секторов, где труд чаще всего носит систематический характер, в третичном и четвертичном велик спрос на нестабильные (гибкие, неустойчивые, атипичные) формы занятости. Соответственно, в социальной структуре общества образовался массовый слой людей, не имеющих постоянного места работы. Это так называемый прекариат, лишенный стабильных социальных гарантий, которые были у рабочих индустриальной эпохи. В данном контексте интересен опыт Испании, намного опережающей большинство стран Евросоюза по удельному весу атипичной занятости. Прекаризация накладывает глубокий отпечаток на разные сферы жизни испанского общества, в том числе на партийно-политическую систему. Диапазон реакций прекариев на окружающую их действительность широк — от полной апатии и отчуждения от политической системы до разнообразных проявлений активности. При этом прекариат еще далек от превращения в «класс для себя», то есть не обладает специфическим политическим сознанием. Не выдвигая собственных политических требований и не имея организаций, отстаивающих их интересы, политически активные прекарии нередко используют для выражения своего недовольства протестные движения нового типа, организуемые социальными сетями. Испанский опыт свидетельствует, что в целом нестабильная занятость — источник социетальных рисков. Сокращение ее масштабов — императив

для той части правящего класса, которая всерьез озабочена последствиями массовой прекаризации.

Ключевые слова: Испания, Европейский союз, постиндустриальная эпоха, новые формы занятости, прекариат, партийно-политическая система, социальный протест

Постиндустриальная эпоха, в которую вступил современный мир, радикально изменила структуру рынка труда. Заметно снизились роль и доля занятых в первичном (сельское хозяйство) и вторичном (промышленность) секторах экономики, напротив, резко выросли значение и численность работающих в третичном (сфера услуг) и четвертичном (сферы образования, науки, здравоохранения) секторах. Между тем, в отличие от первичного и особенно вторичного секторов, где труд чаще всего носит систематический характер, в третичном и четвертичном велик спрос на нестабильные (гибкие, неустойчивые, атипичные) формы занятости. Существенный вклад в распространение гибкой занятости вносит и глобализация, сопровождающаяся усилением мобильности рабочей силы и стимулирующая стремление предпринимателей минимизировать затраты на нее.

Соответственно, в социальной структуре общества образовался новый массовый слой людей, не имеющих постоянного места работы. Это так называемый прекариат, лишенный стабильных социальных гарантий, которые были у рабочих индустриальной эпохи. Его появление привносит дополнительные риски в реалии, в том числе политические, постиндустриальных обществ. Не случайно британский ученый Гай Стэндинг назвал прекариат «новым опасным классом»¹.

¹ Стэндинг 2014.

В данном контексте большой научный и политический интерес представляет опыт Испании. Поскольку эта страна далеко опережает большинство государств Евросоюза по удельному весу нестабильных форм занятости, проблемы, связанные с существованием прекариата и его воздействием на партийно-политическую систему, проявляются в ней особенно выпукло.

**Факторы
и масштабы
распространения
атипичной
занятости**

Причины широкого распространения в Испании атипичных форм найма невозможно понять без обращения к специфике ее модели социально-экономического развития. Динамичный рост экономики до глобального кризиса 2007—2008 гг. (Испания — четвертая страна Евросоюза по размерам экономики) не «отменил» ее полупериферийности, отставания от ведущих государств ЕС и мира. Глобальный кризис, а затем пандемия COVID-19 отчетливо высветили «узкие места» испанской модели социально-экономического развития — недостаточную диверсификацию (высокая степень зависимости от строительной и туристической отраслей), технологическую отсталость, неконкурентоспособ-

ность, преобладание в производственной структуре мелких и мельчайших предприятий с низкой производительностью труда.

В этом отношении показательно положение дел в сфере занятости, отличительной чертой которой является устойчивая массовая безработица. На протяжении последних 40 лет ее уровень остается одним из самых высоких в ЕС, неоднократно превосходя 20% и ни разу не опускаясь ниже 8% самодеятельного населения. Безработица превратилась в структурную характеристику испанской модели развития, стала ее «ахиллесовой пятой».

С начала 1980-х годов рост безработицы обуславливали разнообразные факторы: производственная активность женщин, приток которых на рынок труда в условиях социально-политической модернизации принял лавинообразный характер²; резко сократившийся отъезд испанцев на заработки за границу (практика, служившая при франкизме предохранительным клапаном, снижавшим давление на национальный рынок труда); диспропорция между предложением рабочей силы и спросом на нее, объяснявшаяся несоответствием системы образования потребностям рынка труда; технологическая перестройка экономики, осуществлявшаяся правительствами левоцентристской Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП, 1982—1996 гг.) и сопровождавшаяся закрытием нерентабельных предприятий и массовыми увольнениями.

Стремясь смягчить проблему безработицы, в 1984 г. правительство ИСРП решило задействовать такую форму атипичной занятости, как временные контракты (прежде практиковавшиеся преимущественно в строительной и туристической отраслях). Если раньше доля временных работников лимитировалась соответственно числу занятых на предприятии, а прекращение действия контракта не предполагало каких-либо выплат, то теперь число временных контрактов резко возросло, срок их действия увеличился с двух до трех лет и при увольнении временному работнику выплачивалась компенсация из расчета 12-дневная заработная плата за отработанный год. Нововведения дали быстрый эффект: в 1985—1989 гг. появилось примерно 2 млн новых рабочих мест, что было серьезным достижением с учетом того, что в 1974—1984 гг. их число уменьшилось на 2,6 млн. Однако уровень безработицы оставался очень высоким — 16% самодеятельного населения, прежде всего из-за упомянутого выше массового притока на рынок труда женщин³.

Первоначально временные контракты были рассчитаны главным образом на молодежь, особенно страдавшую от безработицы. В них видели «меньшее зло», средство приобщения молодых людей к рынку труда до предоставления им постоянных рабочих мест. Считалось, что данная разновидность контрактов не получит широкого распространения. Но все произошло ровно наоборот. Поскольку со времен франкизма постоянные работники пользовались высокой социальной защитой⁴, предприниматели предпочитали не превращать контракты недавно нанятых в постоянные, все активнее используя временный наем, тем бо-

² В испанском социуме женщины традиционно находились в угнетенном положении. Во многом под влиянием католической церкви в общественном сознании там утвердилась формула: «Женщина создана для домашнего очага и семьи, мужчина — для работы» (Comín and García Nieto 1974: 160).

³ Molinas and García Perrea 2016: 116.

⁴ Франкистский режим, стремившийся к достижению «социального мира», ориентировался на поддержание полной занятости и в подавляющем большинстве случаев запрещал расторжение трудовых контрактов.

лее что он позволял им экономить на заработной плате, льготах и пособиях, а также на профессиональном обучении и переподготовке работников. Временные контракты заключались с людьми разных профессий и возрастов, при этом подписавшие их выполняли те же производственные задачи, что и занятые постоянно. В период до кризиса 2007—2008 гг. доля временных контрактов в Испании превышала 30%, намного превосходя, в частности, уровень Германии, Франции и Италии (до 15%)⁵. Реформы в сфере трудовых отношений, проведенные правительствами ИСРП (2010 г.) и правоконсервативной Народной партии (НП, 2012 г.), предполагали введение более гибких норм трудового законодательства, которые стимулировали дальнейшее развитие атипичной занятости, по сути получившей институциональное закрепление.

⁵ *Molinas and Garcia Perrea 2016: 118.*

Одна из примечательных особенностей испанского рынка труда заключается в том, что рост атипичной занятости там происходит в периоды экономического подъема, когда, казалось бы, ее удельный вес должен сокращаться. Объясняется это тем, что, несмотря на успехи в хозяйственном развитии, уровень безработицы остается высоким, что нередко заставляет людей соглашаться на любую работу. Напротив, во времена социально-экономических потрясений использование атипичных форм найма, которые могли бы смягчить удары кризиса, сокращается, поскольку временного работника легче уволить.

Например, в годы глобального кризиса доля работников с временными контрактами в общей массе занятых уменьшилась с 33,7% в 2006 г. до 24,2% в 2014 г., тогда как доля имевших бессрочные контракты не изменилась (66%)⁶. Сходная картина наблюдалась и во время всплеска пандемии COVID-19. В 2020 г. было потеряно 622600 рабочих мест, при этом 70% уволенных работали на условиях временного найма⁷.

⁶ *Mendez 2017: 29.*

⁷ *Rodriguez 2021.*

В период посткризисного экономического оживления доля временных контрактов в стране оставалась высокой: в 2018 г. она составляла 25% (против 11% в среднем по ЕС)⁸. Параллельно в моду вошли краткосрочные контракты продолжительностью от одной недели до нескольких часов (более 25% всех контрактов, подписанных в 2017 г.)⁹. Распространилась также практика перезаключения временных контрактов. Так, в 2019 г. 20,9% работников заключили два трудовых контракта, 10% — три, 28,9% — больше трех¹⁰. Отчасти внедрение краткосрочных контрактов было связано с информатизацией, не только облегчающей поиск работы, но и в ряде случаев позволяющей выполнить ее за весьма непродолжительный срок.

⁸ *VIII Informe 2019: 156.*

⁹ *Felgueroso, Garcia-Perez, and Jansen 2018: 50.*

¹⁰ *2020 — Informe 2020: 54.*

Наряду с временной все шире распространялась неполная занятость. В 2007—2019 гг. доля подобного рода контрактов увеличилась на 80%, причем 60,2% из них приходилось на женщин¹¹. Показательно, что, согласно данным опросов, шесть из каждых 10 согласившихся на такие условия найма женщин были готовы — и хотели бы — трудиться полный рабочий день¹².

¹¹ *Ibid.: 53.*

¹² *VIII Informe 2019: 165.*

Атипичная занятость особенно характерна для молодого поколения. В 2016 г. 67,7% его представителей были заняты временно,

¹³ Arrozola, Golan, and de Hevia 2018: 64.

а 38,7% — частично (многие из них при этом и временно)¹³. Непрочность положения на рынке труда мешает молодежи строить планы на будущее. Из-за отсутствия стабильных источников дохода молодой человек не в состоянии обойтись без помощи родителей. Он не может взять ипотеку для приобретения жилья, создать семью, завести ребенка, что сказывается на демографической ситуации, обостряя проблему старения нации. В 2018 г. 82% молодых испанцев (от 16 до 29 лет) жили с родителями (в ЕС — 69%). Средний возраст женщин, родивших первого ребенка, составлял 31 год (в ЕС — 29 лет)¹⁴.

¹⁴ Resolver las deficiencias 2021: 553.

Еще в годы глобального кризиса от 70 до 82% молодых испанцев (до 35 лет) выражали желание переселиться за границу. В 2006—2017 гг. из страны уехало 457 тыс. человек, примерно 60% из них — люди в возрасте от 20 до 45 лет. Примечательно, что речь идет о поколении, имеющем самый высокий в истории Испании уровень образования: у 39% его представителей есть университетские дипломы¹⁵. «Эмиграция молодых испанцев диктуется не необходимостью, а крахом надежд. Она свидетельствует о дезориентации общества, которое не предлагает перспективы, не говорит, что ожидает от молодых людей», — отмечают испанские авторы¹⁶.

¹⁵ Artal 2013:104—105; VIII Informe 2019: 159.

¹⁶ Ibid.: 112.

Другая сфера атипичной занятости, где так или иначе задействованы миллионы испанцев, — так называемая теневая (неформальная) экономика. Это зона хозяйствования, в той или иной мере ускользающая от статистического учета, налогообложения и действия трудового законодательства. Превратившись в важный структурный компонент испанской экономики, она дает, по разным оценкам, от 18 до 25% ВВП (средний показатель по ЕС — 14,3—18,4%)¹⁷.

¹⁷ Torres Albero (ed.) 2015: 666.

В теневой экономике трудятся или подрабатывают миллионы испанцев, относящихся к разным социальным группам, — женщины, подростки, не достигшие 16-летнего возраста, студенты, пенсионеры. Немало занятых здесь работают по совместительству. Отдельную категорию составляют люди, официально числящиеся безработными. Значительная часть работников этого сектора — надомники. «Нелегальный» труд в наибольшей степени распространен в отраслях легкой промышленности (текстильной, производстве обуви и игрушек), строительстве, торговле, сельском хозяйстве.

¹⁸ Molinas and García Perrea 2016: 119.

В целом атипичная занятость стала такой же нормой трудовых отношений, как и бессрочные контракты. Как отмечают Сесар Молинас и Пилар Гарсиа Переа, в стране «сформировалась культура непостоянной занятости, ставшая стратегией патроната»¹⁸.

¹⁹ Torres Albero (ed.) 2015: 634.

Важно подчеркнуть, что контракты, заключенные в рамках атипичной занятости, во многих случаях предполагают и низкие зарплаты. Так, в 2012 г. средняя месячная зарплата занятых неполное рабочее время составляла примерно треть (37,4%) от зарплаты постоянно занятых¹⁹. Поэтому трудоустройство не только не гарантирует обеспеченную жизнь, но и нередко не позволяет вырваться из нищеты. Иными словами, быть нищим в Испании не обязательно означает не иметь работы.

Категория социально ущемленных (депривированных) включает также часть занятых.

Распространение атипичной занятости не разрешило проблему безработицы. Оказалось, что эти два феномена тесно взаимосвязаны. Работу теряют, как правило, непостоянно занятые. Если же безработный находит рабочее место, то чаще всего на условиях временной или частичной занятости. В жизни многих людей периоды непостоянной занятости и безработицы чередуются, и этот круг зачастую становится замкнутым.

Рынок труда в современной Испании отличается волатильностью и глубоким неравенством. Он отчетливо распадается на два сегмента. Один из них охватывает постоянных работников с вполне приличным уровнем оплаты труда, другой же включает в себя тех, чья занятость нестабильна, зарплаты низки, а условия существования ненадежны. По оценкам экспертов, работники с гибкой занятостью значительно меньше удовлетворены условиями своего труда, чем постоянные работники. На 10-балльной шкале, где 0 соответствует минимальной, а 10 — максимальной степени удовлетворенности, у первых этот показатель составляет 5,78 балла, а у вторых — 7,19. Ниже у занятых непостоянно и показатель удовлетворенности жизнью в целом (6,8 балла против 7,26)²⁰.

²⁰ VIII Informe 2019: 160.

По сути, сложившаяся на рынке труда Испании ситуация знаменует радикальный разрыв и с фундаментальной социальной нормой — постоянной занятостью, рассчитанной на полный рабочий день, и с духом Конституции 1978 г. (в ст. 40.1 которой говорится о необходимости проведения «политики, направленной на достижение полной занятости»²¹). Получение постоянного рабочего места теперь рассматривается не как законное право наемного работника, а как привилегия.

²¹ Constitución española 1978.

По мнению некоторых испанских экспертов, их страна стала пионером в плане укоренения атипичных форм занятости. «Мы стали первыми, кто испытал на себе этот феномен и дал ему имя. Но если раньше нестабильная занятость отождествлялась с заключением временных контрактов, то теперь она определяется скорее в понятиях социальной нормативности: нестабильная занятость означает неуважение к минимальным критериям, отвечающим представлениям общества (и прежде всего самих работников) о том, что такое „достойная работа“», — отмечают Карлос Прието и София Перес де Гусман²².

²² Torres Albero (ed.) 2015: 630.

В декабре 2021 г. появились признаки того, что положение на рынке труда Испании может кардинально измениться. Правительство Педро Санчеса одобрило реформу трудовых отношений, согласованную в результате продолжавшихся на протяжении девяти месяцев переговоров с профсоюзными и предпринимательскими организациями. Важнейший аспект реформы состоит в сокращении масштабов непостоянной занятости путем перевода непостоянных контрактов в бессрочные (за исключением случаев, связанных с производственной необходимостью и вынужденной заменой работника при сохранении за ним рабочего места). Предприятиям дается три месяца, чтобы адаптироваться

к новым нормам. Вводится новая система санкций для нарушителей — штраф до 10 тыс. евро за заключение каждого непостоянного контракта (до этого штрафной платеж составлял 8 тыс. евро за всех рабочих, занятых на нерегулярной основе). Осуществляя эту реформу, Испания выполняет требование Евросоюза, необходимое для получения помощи по Плану восстановления, рассчитанному на 2021—2026 гг.²³ Однако насколько эффективным окажется претворение реформы в жизнь, сказать пока трудно.

²³ Blázquez, 2021.

**Прекариат:
черты
социального
портрета**

В годы глобального кризиса в Испании заметно ускорилось формирование прекариата. Отнюдь не малочисленный отряд прекариев, который сложился еще в докризисный период, теперь резко расширился.

Следует подчеркнуть, что прекариат как социальный феномен появился еще на начальных стадиях индустриализации, охватившей Европу в конце XVIII — начале XIX в. Тем не менее коренным образом изменившийся контекст, в котором существует современный прекариат, дает основания рассматривать его в качестве новой, по сравнению с прекариатом индустриальной эпохи, социальной группы.

В политологической и социологической литературе понятие «прекариат» трактуется по-разному. Одни авторы интерпретируют его расширительно, квалифицируя в качестве прекариев «безработных, трудящихся с низкими заработками, пенсионеров с маленькими пенсиями, эксплуатируемых иммигрантов, безработных с университетскими дипломами или занимающих низкооплачиваемые рабочие места, одиноких людей, не имеющих перспективы создать семью, людей предпенсионного возраста, жителей разрушающихся рабочих кварталов и приходящих в упадок сельских местностей»²⁴. Другие, напротив, сужают это понятие, имея в виду только «многочисленный слой работников с „прекаризованной“ или нестабильной... занятостью»²⁵.

²⁴ Diaz Salazar 2011.

²⁵ Жвителишвили 2017: 53.

Вторая трактовка представляется более адекватной, поскольку она связывает определяемый феномен с новыми формами занятости, получившими широкое распространение в постиндустриальную эпоху. К тому же она соответствует значению самого слова «прекариат» (*precarium* — ненадежный, неустойчивый, непрочный).

Сторонники первой трактовки, не выделяя атипично занятых в отдельную категорию, включают их в общую массу социально депривированного населения. Критерием для них служит не форма занятости, а уровень доходов и степень социального неравенства. Напротив, более узкое определение дает возможность избежать «растворения» прекариата среди социально ущемленных граждан и рассматривать прекаризованность как особую форму депривации. Такой подход позволяет проводить более дифференцированный анализ депривированных слоев населения. Вместе с тем нелишне подчеркнуть, что между прекариями (нестабильно занятыми) и другими группами обездолен-

ных, в частности безработными, существует тесная социально-экономическая и социально-психологическая близость.

Отличительный признак прекариев — отсутствие стабильной социальной защиты. Со времен Второй мировой войны социал-демократические партии и профсоюзы включают в программу «индустриального гражданства» семь видов гарантий: гарантии рынка труда (адекватные возможности заработка); гарантии занятости (регулирование процесса найма и увольнения, защита от самовольных увольнений и т.п.); гарантии рабочего места (способность сохранять нишу в сфере занятости); гарантии охраны труда (соблюдение правил безопасности и санитарных норм, ограничение продолжительности рабочего дня и работы в сверхурочные часы); гарантии воспроизводства навыков (возможность приобретать трудовые навыки посредством обучения специальности и т.п.); гарантии получения дохода (уверенность в соразмерном стабильном доходе, базирующаяся на установленной законом минимальной оплате труда, индексации заработной платы, всеобщем социальном страховании и т.д.); гарантии представительства (наличие коллективного голоса на рынке труда — например, через независимый профсоюз — с правом на забастовку). По замечанию Стэндинга, «не каждому человеку из прекариата нужны все эти семь гарантий, однако по каждой из этих позиций прекариат находится в невыгодном положении»²⁶.

²⁶ Стэндинг 2014: 25.

Прекарии — это не только малообразованные и низкоквалифицированные атипично занятые, живущие в нишете. В этом слое нередко оказываются и представители среднего класса (программисты, переводчики, лица свободных профессий и т.д.) с хорошим образованием, развитой системой потребностей, высокими социальными ожиданиями. Размеры доходов прекариев могут различаться в разы. Иными словами, вхождение в состав прекариата не зависит от уровня дохода работника, его статуса, образования, квалификации.

Существует и проблема так называемого статусного диссонанса, состоящая в том, что люди с относительно высоким образованием и квалификацией вынуждены соглашаться на работу менее престижную и хуже оплачиваемую, чем та, на которую они рассчитывали. Остро стоит она и в Испании, где через год после окончания университета 40% выпускников оказываются на малоквалифицированных должностях, явно не соответствующих уровню их подготовки²⁷. Недоступность профессий, о которых мечтали молодые люди, оборачивается статусной фрустрацией и выталкивает молодежь в ряды прекариата. Важно также, что, в отличие от ряда других стран, в Испании люди, как правило, вовлекаются в сферу атипичной занятости не из-за желания иметь больше свободного времени и не в ожидании карьерных перспектив, а под давлением обстоятельств, не имея выбора.

²⁷ Там же: 123—124.

Для прекариев характерна минимизация контактов с государством и бизнесом. Они не спаяны коллективизмом, свойственным промышленным рабочим, атомизированы, озабочены прежде всего

выживанием. Доминирующее состояние многих из них — растерянность и дезориентация, которые по мере удлинения сроков пребывания вне производственного процесса могут приводить к эрозии трудовой этики, потере самоуважения и депрессии. Зачастую это люди, живущие сегодняшним днем. Им знакомы четыре чувства: недовольство, anomia (утрата ориентиров), беспокойство и отчуждение²⁸.

²⁸ Там же: 41.

Прекариат не стал политической силой с собственной программой действий, не сформировался как «класс для себя». Более того, его вряд ли можно отнести к социальному классу в привычном понимании. Для определения социального класса ключевое значение имеют такие показатели, как отношение к собственности, уровень дохода. Выделение же прекаризованных слоев основано в первую очередь на стабильности/нестабильности существования. Прекарии не относятся ни к рабочему, ни к среднему классу. Из-за нестабильных условий жизни и отсутствия возможностей для профессионального роста прекарии лишены профессиональной самоидентификации. Их статус не определен, они находятся в состоянии социальной полиидентичности. Прекариат — это скорее трансклассовое образование.

²⁹ <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.PART.ZS?locations=ES>;
<https://www.statista.com/statistics/1198112/temporary-employment-in-europe-by-country/>.

В силу исключительно широкого распространения атипичных форм занятости численность прекариата в Испании чрезвычайно высока. В 2019—2020 гг. временно и частично занятые составляли примерно 50% самодеятельного населения страны²⁹.

**Формы
политического
самовыражения
прекариев**

Прекаризация не ограничивается трудовой сферой, накладывая глубокий отпечаток на разные аспекты жизни общества — обстановку в семье, отношения между поколениями, партийно-политическую систему. В испанской ситуации (да и не только в испанской) целесообразно различать две ипостаси прекаризованности — как положение индивида на рынке труда и как экзистенциальное состояние общества. «Прекаризованным» можно назвать психологическое состояние миллионов испанцев. Ощущение непрочности и ненадежности существования, страх перед будущим присущи не только прекариям, но и многим представителям других категорий населения, в том числе имеющим постоянную работу. «Мы чувствуем себя незащищенными, потому что живем в дисфункциональном социуме», — отмечают испанские авторы³⁰. В обществе ослабевают социальные связи, растут индивидуализм и разобщенность.

³⁰ VIII Informe 2019: 197.

Зачастую прекарии разочарованы в функционировании демократии, с глубоким недоверием относятся к действующим политическим институтам. Для них характерно чувство отчуждения от политической системы, которая относится к ним с пренебрежением. Обследования демонстрируют, что среди социально ущемленной части испанцев уровень абсентеизма значительно выше, чем среди обеспеченной. Довольно типичны в этом плане такие андалусские города, как Севилья, Кордова, Малага, где существует громадная дистанция между кварталами,

населенными состоятельными людьми, и кварталами бедноты — если жители первых активно участвуют в голосовании, то среди обитателей вторых велика доля игнорирующих выборы³¹. Более того, в Испании есть районы, 75% жителей которых не голосуют вообще³². Можно предположить³³, что уровень абсентеизма высок и среди прекариев как специфической части социально депривированных групп.

³¹ *Ibid.*: 279, 284.

³² *Ibid.*: 279.

³³ Поскольку испанские эксперты придерживаются описанной выше расширительной трактовки прекариата, эмпирические данные о распределении политических предпочтений прекариев в испанской научной литературе отсутствуют.

Конечно, определенная часть атипично занятых принимает участие в выборах. Как и голоса общей массы социально ущемленных, их предпочтения распределяются по всему партийному спектру. Поддержкой обездоленных в большей степени пользуются (отчасти в силу традиций) левые партии — ИСРП, коалиции «Унидос-Подемос» и «Объединенная левая». Голосуют они и за правые партии — НП и недавно образованную праворадикальную «Вокс». В данном случае прекариев привлекают обещания правых восстановить стабильность и навести порядок в стране. Показательно, что на парламентских выборах ноября 2019 г. в двух самых бедных автономных областях Испании — Эстремадуре и Андалусии — больше всего голосов набрала именно партия «Вокс». На выбор избирателей повлияло присутствие многочисленных нелегальных иммигрантов, которых та обещала депортировать³⁴. Эта идея созвучна настроениям части прекариев, связывающих свои невзгоды с наличием конкурентов, отнимающих у них рабочие места и сокращающих выплаты от государства.

³⁴ *Cervilla* 2019.

Следует также иметь в виду, что политические взгляды прекариев неустойчивы. Они легко поддаются на популистские посулы и заигрывания, их настроения могут резко меняться, что углубляет дестабилизацию политической системы.

Интересы прекариев не представляют никакие институционально оформленные структуры. Атипичная занятость в постиндустриальную эпоху разрушила институциональные основы протеста. Профсоюзы — основной инструмент солидарности рабочих — оказались неспособны вовлечь в свою орбиту широкие слои прекариата. Многие прекарии, прежде всего молодежь, отворачиваются от профсоюзов, считают их архаичной и ретроградной организацией, защищающей интересы только постоянно занятых.

Разочарование части прекаризованных слоев в традиционной политике и ее акторах стало одним из факторов появления новых форм массового протеста. Они возникли благодаря интернету и социальным сетям, превратившимся для миллионов граждан не только в канал коммуникации, но и в инструмент продвижения своих требований и организации доселе невиданных протестных выступлений.

Их основу составило так называемое движение «возмущенных» (или «15-М»), датой рождения которого считается 15 мая 2011 г. В этот день на улицы и площади примерно 60 городов Испании, в том числе Мадрида, Барселоны, Валенсии, Бильбао, Малаги, Севильи, Гранады, Сарагосы, вышли десятки тысяч людей, недовольных функционированием экономической и политической системы. Выступление было

организовано созданной в апреле того же года платформой «Подлинная демократия теперь» (*Democracia real ya*), которая объединила в общенациональном масштабе целый ряд платформ и ассоциаций, критиковавших существующую систему³⁵. Протесты перекинулись на многие другие страны Запада. Таким образом, именно Испания оказалась зачинателем протестных акций в странах консолидированной демократии, ставших продолжением «арабской весны». По мнению испанских экспертов, по своему воздействию на социальные и политические процессы движение «возмущенных» сопоставимо с французским маем 1968 г.³⁶

В движении «15-М» участвовали люди разных профессий, политических взглядов и возрастов, но в первую очередь молодежь³⁷, жестоко страдавшая от безработицы и вовлеченная в различные формы атипичной занятости. Многие ее представители, обладая университетскими дипломами, жили хуже, чем их родители, и не имели жизненных перспектив. В Испании о них говорили как о потерянном поколении.

«Возмущенные» протестовали против социальной несправедливости, отстаивали право на труд, достойное жилье и качественную систему социальных услуг, резко критиковали коррупцию и дистанцирование государства и политических институтов от простых граждан. Ответственность за все эти беды возлагалась на политиков и банкиров. Наибольшей популярностью пользовался лозунг: «Нет, они нас не представляют». В число важнейших требований участников движения входило реальное разделение властей и демократия участия. «Возмущенные» не стремились к захвату власти, они боролись за свои идеалы в рамках существующей системы, надеясь добиться ее всестороннего качественного обновления без обращения к насильственным методам.

«Мы, безработные, малообеспеченные, прекарии... хотим изменений и достойного будущего, — отмечалось в заявлении для печати, сделанном участниками движения. — Мы устали от антисоциальных реформ, лишивших нас работы, от банков, спровоцировавших кризис и увеличивших ипотеку или захвативших наше жилье, навязывающих законы, которые ограничивают нашу свободу в пользу сильных мира сего. Мы обвиняем политические и экономические власти в бедственных условиях существования и требуем смены курса»³⁸.

«Возмущенные» обличали действующие партии и профсоюзы как структуры, вросшие в систему и пораженные кризисом. Показательно, что среди участников движения лишь 2,5% состояли в партиях³⁹. «...Мы не представляем никакую партию или ассоциацию, — говорилось в одном из манифестов «возмущенных». — Нас объединяет стремление к переменам. Мы здесь из чувства собственного достоинства и солидарности с теми, кто не может присутствовать»⁴⁰.

Вертикальному принципу построения традиционных организаций противопоставлялся горизонтальный. У движения не было лидеров и иерархии. Социальные сети обеспечили самоорганизацию, позволив

³⁵ *Подробнее см. Хенкин 2020: 78—81.*

³⁶ *Alberich 2015: 382.*

³⁷ *По некоторым оценкам, среди участников акций 15 мая 2011 г. более 50% составляли люди в возрасте от 18 до 34 лет (De Grado 2014: 31).*

³⁸ *Juan Amat and Collado Campaña 2013.*

³⁹ *De Grado 2014: 31.*

⁴⁰ *Ibid.: 40.*

в короткие сроки мобилизовать на борьбу за общие интересы еще вчера незнакомых людей с разным политическим опытом. Основной формой активности «возмущенных» стали общие собрания/ассамблеи, проходившие в муниципалитетах и городских кварталах (на центральной площади Мадрида Пуэрто дель Соль был разбит палаточный лагерь, превратившийся в своего рода мини-город). В ассамблеях, проходивших в атмосфере доброжелательности и взаимного уважения, мог участвовать любой человек. По сути, речь шла о попытке претворить в жизнь принципы прямой демократии, которые «возмущенные» намеревались реализовать во всем обществе.

Однако практическое применение этих принципов выявило серьезные проблемы. Так, принятие всякого решения требовало консенсуса. Но достичь его было сложно, поскольку постоянно находились те, кто голосовал против. Обсуждения зачастую выливались в бесконечные споры, а сами ассамблеи превращались в некое подобие бюрократических структур, без санкции которых нельзя было решить ни один вопрос, в том числе практического характера. Негативно сказывалось также отсутствие лидеров, затруднявшее идентификацию движения, сохранение его сплоченности и освещение в СМИ.

Резко критикуя существующие реалии, «возмущенные» не смогли сформулировать альтернативную программу. Основанное исключительно на горизонтальных связях, без лидеров и официальных представителей, их движение не имело будущего. От него отошло немало людей, разочарованных отсутствием осязаемых результатов и уставших митинговать. Тем не менее «возмущенные» всколыхнули общество, изменили политический климат в стране. Согласно данным социологических опросов, симпатии к этому движению испытывали 80% испанцев⁴¹. Под влиянием «возмущенных» по крайней мере часть действующих политиков осознала необходимость совершенствования норм внутривнутрипартийной жизни.

Движение «15-М» положило начало социальным протестам нового типа, самоорганизующимся снизу, посредством социальных сетей и заимствующим их организационные формы — горизонтальные связи и ассамблеи. Широкое распространение получили так называемые «волны» (*mareas*) — совместные акции людей, занятых в одной отрасли или живущих в одном районе и сопротивляющихся нарушению их прав политическим и финансовым истеблишментом. Такие акции проходят, в частности, в образовании, медицине, сфере обслуживания. Заслуживают упоминания и платформа «Молодежь без будущего», борющаяся против безработицы и временных форм занятости, «Банки продовольствия», собирающие продукты питания и раздающие их нуждающимся, а также «Платформа пострадавших от ипотеки». Костяк «волн» составляют прекаризованные слои населения, нередко вчерашние «возмущенные».

Важно отметить, что в случае прекариев протестная активность не является чем-то постоянным. В отличие от партий и профсоюзов, соци-

⁴¹ *Ibid.*: 32.

альные движения не предполагают стабильных контактов между участниками. Многие прекарии включаются в политическую жизнь лишь на короткое время, под влиянием какого-то громкого события или харизматического лидера. В жизни отдельного человека смена периодов политической активности и пассивности становится нормой.

Бывает, что движения социального протеста добиваются поставленных задач. Примером может служить «Платформа пострадавших от ипотеки», созданная в 2009 г., в разгар глобального кризиса, с целью поддержки людей, которые оказались не в состоянии вернуть банкам долги по ипотечным кредитам, что в соответствии с действующим законодательством вело к выселению их из домов и квартир. Выдвинув лозунг «Стоп выселениям», активисты «Платформы» собирали подписи в защиту выселяемых, проводили демонстрации у домов политиков и депутатов, от которых зависели конкретные решения. В результате им удалось добиться смягчения закона об ипотеке и остановить ряд выселений.

Но, несмотря на отдельные успехи социальных движений, многие прекарии, особенно с университетским образованием, сознают, что без вхождения в институты, где принимаются решения, они едва ли смогут по-настоящему отстаивать свои интересы, тем более долгосрочные. А для этого нужна политическая партия. Не случайно часть «возмущенных» влилась в ряды учрежденной в 2014 г. левой партии «Подemos», с которой связывались большие надежды на качественное обновление испанской демократии. Однако несколько лет спустя надежды эти в значительной мере развеялись. Реальностью функционирования «Подemos» стали не принципы прямой демократии и горизонтальные связи, а авторитарный стиль управления и бюрократизация партийного руководства. В итоге в Испании так и не оказалось организации, которая бы отвечала чаяниям прекаризованных слоев населения.

* * *

Резюмируя, подчеркнем, что атипичные формы занятости не поддаются однозначной оценке, им имманентно присуща противоречивость. Они могут выполнять позитивную функцию, становясь промежуточным этапом для накопления производственного опыта молодежью, а также источником дополнительного заработка для вышедших на пенсию лиц старшего возраста. Кроме того, они открывают возможности для рационального распределения времени между работой и досугом. Но зачастую непостоянная занятость — и опыт Испании это наглядно демонстрирует — негативно влияет на условия жизни и психологическое состояние человека, углубляет социальное неравенство, разобщает армию наемных работников и общество в целом, дестабилизирует политическую систему, понижает качество демократии.

Диапазон реакций прекариев на окружающую действительность широк — от полной апатии и отчуждения от политической системы до

разнообразных проявлений активности. Часть представителей этого слоя не мирится со сложившейся ситуацией. При этом прекариат еще далек от превращения в «класс для себя», то есть не обладает специфическим политическим сознанием. Не выдвигая собственных политических требований и не имея организаций, отстаивающих их интересы, политически активные прекарии нередко используют для выражения своего недовольства протестные движения нового типа, организуемые социальными сетями. Но хотя на отдельных направлениях им — вместе с другими участниками массовых протестов — удастся добиться успеха, принудить работодателей коренным образом изменить условия своего существования они не в силах.

Испанский опыт свидетельствует, что в целом атипичная занятость — источник социетальных рисков. Сокращение ее масштабов — императив для той части правящего класса, которая всерьез озабочена негативными последствиями массовой прекаризации. Реформа трудовых отношений, запланированная правительством Санчеса, говорит об осознании серьезности вызовов, исходящих от прекаризации.

Библиография

Жвितिашвили А.Ш. (2017) «Прекариат в системе трудовых отношений (на примере западных стран)» // Голенкова З.И., ред. *Социальное пространство российских регионов*. М: Институт социологии РАН: 52—72. URL: [https://dep_siup.pnzgu.ru/files/dep_siup.pnzgu.ru/socialnoe_prostranstvo_rossijskih_regionov\(2\).pdf](https://dep_siup.pnzgu.ru/files/dep_siup.pnzgu.ru/socialnoe_prostranstvo_rossijskih_regionov(2).pdf) (проверено 29.12.2021).

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс. URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novuj-opasnyj-klass.pdf> (проверено 29.12.2021).

Хенкин С. (2020) «Испания: современные тенденции массового протеста» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 9: 73—82.

VIII Informe sobre exclusión y desarrollo social en España. (2019) Madrid: Fundación Foessa.

2020 — Informe del mercado de trabajo: Estatal. Datos 2019. (2020) Madrid: Observatorio de las ocupaciones. URL: https://www.juntadeandalucia.es/institutodelamujer/images/FONDO_DOCUMENTAL/EMPLEO/imt2020_datos2019_mujeres.pdf (accessed on 1.12.2021).

Alberich T. (2015) *Desde las asociaciones de vecinos al 15 M y las mareas ciudadanas (breve historia de los movimientos sociales)*. Madrid: Dykinson, S.L.

Arrozola M., S.Golan, and G. de Hevia. (2018) «Desempleo juvenil en España: situación, consecuencias e impacto sobre la vida laboral de los adultos» // *Papeles de economía española*, № 156: 62—75. URL: <https://www.orientamartamouliiaa.es/wp-content/uploads/2018/08/Desempleo-juvenil-en-Espa%C3%B1a-Funcas-2018.pdf> (accessed on 29.12.2021).

Artal R.M. (2013) *Salmones contra percebes: cómo ganar la partida a quienes rechazan cambios políticos y sociales*. Madrid: Temas de Hoy.

Blázquez P. (2021) «La primera gran reforma laboral consensuada desde 1980 entrará en vigor el jueves» // *La Vanguardia*, 28.12. URL: <https://www.lavanguardia.com/economia/20211228/7957092/primera-reforma-laboral-consensuada-15-anos-entrara-vigor-jueves.html> (accessed on 29.12.2021).

Cervilla P. (2019) «Vox, el único partido que crece en los diez pueblos más pobres de España» // *ABC*, 14.11. URL: https://www.abc.es/espana/abci-unico-partido-crece-diez-pueblos-mas-pobres-espana-201911132223_noticia.html (accessed on 1.12.2021).

Comin A.C. and J.N.García Nieto. (1974) *Juventud obrera y conciencia de clase: el proceso inmigratorio y su función innovadora en la sociedad catalana*. Madrid: Editorial Cuadernos para el Diálogo.

Constitución Española. (1978) URL: https://www.lamoncloa.gob.es/documents/constitucion_es1.pdf (accessed on 1.12.2021).

De Grado T. (2014) *Los indignados españoles. Un ejemplo de acción*. Rosario: Universidad Nacional de Rosario.

Díaz Salazar R. (2011) «Insurrección del precariado y victoria del PP» // *Attac Acordem*, 26.05. URL: <https://www.acordem.org/2011/05/26/insurreccion-del-precariado-y-victoria-del-pp/> (accessed on 20.02.2022).

Felgueroso F., J.I.García-Perez, and M.Jansen. (2018) «La contratación temporal en España: nuevas tendencias, nuevos retos» // *Papeles de economía española*, no. 156: 47–61. URL: https://www.funcas.es/wp-content/uploads/Migracion/Articulos/FUNCAS_PEE/156art05.pdf (accessed on 29.12.2021).

Juan Amat A.M. and Collado F.Campaña. (2013) «El movimiento indignado: comunicación política y relaciones con el sistema de partidos» // *Nómaditas. Revista crítica de ciencias sociales y jurídicas*, vol. 38, no. 2: 5–22. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/NOMA/article/view/42904/40734> (accessed on 29.12.2021).

Mendez R. (2017) «Crisis, desposesión y mercado de trabajo en España: impacto en la región metropolitana de Madrid» // *Cadernos Metropoli*, vol. 19, no. 38: 17–44. URL: https://www.researchgate.net/publication/316020148_Crisis_desposesion_y_mercado_de_trabajo_en_Espana_impactos_en_la_Region_Metropolitana_de_Madrid (accessed on 29.12.2021).

Molinas C. and P.García Perrea. (2016) *Poner fin al desempleo. ¿Queremos? ¿Podremos? Una propuesta analítica sobre la ocupación y el desempleo en España*. Barcelona: Centro Libros PAPP, S.L.U.

Resolver las deficiencias de nuestro mercado de trabajo y adaptarlo a las nuevas realidades sociales, económicas y tecnológicas. (2021) URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Documents/2021/200521-Estrategia_Espana_2050_7.pdf (accessed on 15.10.2021).

Rodríguez O. (2021) «España cierra 2020 con un paro juvenil del 40%» // *El Independiente*, 28.01. URL: <https://www.elindependiente.com/economia/2021/01/28/espana-cierra-2020-con-un-paro-juvenil-del-40/> (accessed on 5.10.2021).

Torres Albero C. (2015) *España 2015: Situación social*. Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas.

S.M. Khenkin

NEW FORMS OF EMPLOYMENT AND NEW SOCIAL GROUPS: PROJECTION INTO POLITICS CASE OF SPAIN

Sergei M. Khenkin — Doctor of History; Professor at the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); Principal Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Chairman of the Editorial Board of the Journal *Politeia*. Email: sergkhenkin@mail.ru.

Abstract. The post-industrial era that the modern world ushered in has radically changed the labor market structure. The share of population employed in primary (agriculture) and secondary (industry) economic sectors has noticeably decreased while the third (services) and fourth (education, science, and healthcare) sectors have gained significance and increased shares of employment. However, unlike the first sector and especially unlike the second sector, in which labor is almost always systemic, the third and fourth sectors possess a huge demand for unstable (flexible, unsustainable, atypical) forms of employment. Therefore, the social structure of the society has witnessed the emergence of a massive layer of population who is not permanently employed. This is the so-called precariat, deprived of stable social guarantees that the workers enjoyed in the industrial era. In this context the case of Spain is of interest, since it outpaces the majority of the European Union countries in terms of the share of atypical employment. The precarization in this country leaves a deep imprint on various spheres of the society, including the party-political system. Precariat demonstrates a whole gamut of reactions to the surrounding world — ranging from extreme apathy and alienation from the political system to different forms of activism. Nevertheless, the precariat is far from turning into the “class for itself”, as it does not have a specific political consciousness. Without making political demands and lacking organizations that promote their interests, the politically active precariat frequently uses new types of social movements organized by social networks in order to express its discontent. The Spanish experience demonstrates that, in general, unstable employment becomes a source of societal risks. The reduction of the scale of such employment is the imperative for that part of the ruling class that is seriously concerned with the nefarious implications of mass precarization.

Keywords: Spain, European Union, post-industrial era, new forms of employment, precariat, party-political system, social protest

References

- VIII Informe sobre exclusión y desarrollo social en España.* (2019) Madrid: Fundación Foessa.
- 2020 — *Informe del mercado de trabajo: Estatal. Datos 2019.* (2020) Madrid: Observatorio de las ocupaciones. URL: https://www.juntadeandalucia.es/institutodelamujer/images/FONDO_DOCUMENTAL/EMPLEO/imt2020_datos2019_mujeres.pdf (accessed on 1.12.2021).
- Alberich T. (2015) *Desde las asociaciones de vecinos al 15 M y las mareas ciudadanas (breve historia de los movimientos sociales)*. Madrid: Dykinson, S.L.
- Arrozola M., S.Golan, and G. de Hevia. (2018) “Desempleo juvenil en España: situación, consecuencias e impacto sobre la vida laboral de los adultos” // *Papeles de economía española*, № 156: 62—75. URL: <https://www.orientamartamouliiaa.es/wp-content/uploads/2018/08/Desempleo-juvenil-en-Espa%C3%B1a-Funcas-2018.pdf> (accessed on 29.12.2021).
- Artal R.M. (2013) *Salmones contra percebes: cómo ganar la partida a quienes rechazan cambios políticos y sociales*. Madrid: Temas de Hoy.
- Blázquez P. (2021) “La primera gran reforma laboral consensuada desde 1980 entrará en vigor el jueves” // *La Vanguardia*, 28.12. URL: <https://www.lavanguardia.com/economia/20211228/7957092/primera-reforma-laboral-consensuada-15-anos-entrara-vigor-jueves.html> (accessed on 29.12.2021).
- Cervilla P. (2019) “Vox, el único partido que crece en los diez pueblos más pobres de España” // *ABC*, 14.11. URL: https://www.abc.es/espana/ab-ci-unico-partido-crece-diez-pueblos-mas-pobres-espana-201911132223_noticia.html (accessed on 1.12.2021).
- Comin A.C. and J.N.García Nieto. (1974) *Juventud obrera y conciencia de clase: el proceso inmigratorio y su función innovadora en la sociedad catalana*. Madrid: Editorial Cuadernos para el Diálogo.
- Constitución Española.* (1978) URL: https://www.lamoncloa.gob.es/documents/constitucion_es1.pdf (accessed on 1.12.2021).
- De Grado T. (2014) *Los indignados españoles. Un ejemplo de acción*. Rosario: Universidad Nacional de Rosario.
- Díaz Salazar R. (2011) “Insurrección del precariado y victoria del PP” // *Attac Acordem*, 26.05. URL <https://www.acordem.org/2011/05/26/insurreccion-del-precariado-y-victoria-del-pp/> (accessed on 20.02.2022).
- Felgueroso F., J.I.García-Perez, and M.Jansen. (2018) “La contratación temporal en España: nuevas tendencias, nuevos retos” // *Papeles de economía española*, no. 156: 47—61. URL: https://www.funcas.es/wp-content/uploads/Migracion/Articulos/FUNCAS_PEE/156art05.pdf (accessed on 29.12.2021).
- Juan Amat A.M. and Collado F.Campaña. (2013) “El movimiento indignado: comunicación política y relaciones con el sistema de partidos” // *Nómadas. Revista crítica de ciencias sociales y jurídicas*, vol. 38,

no. 2: 5–22. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/NOMA/article/view/42904/40734> (accessed on 29.12.2021).

Khenkin S.M. (2020) “Ispanija: sovremennye tendentsii massovogo protesta” [Spain: Modern Trends of Mass Protest] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 19, no. 9: 73–82. (In Russ.).

Mendez R. (2017) “Crisis, desposesión y mercado de trabajo en España: impacto en la región metropolitana de Madrid” // *Cadernos Metropolitana*, vol. 19, no. 38: 17–44. URL: https://www.researchgate.net/publication/316020148_Crisis_desposesion_y_mercado_de_trabajo_en_Espana_impactos_en_la_Region_Metropolitana_de_Madrid (accessed on 29.12.2021).

Molinas C. and P.García Perrea. (2016) *Poner fin al desempleo. ¿Queremos? ¿Podremos? Una propuesta analítica sobre la ocupación y el desempleo en España*. Barcelona: Centro Libros PAFP, S.L.U.

Resolver las deficiencias de nuestro mercado de trabajo y adaptarlo a las nuevas realidades sociales, económicas y tecnológicas. (2021) URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Documents/2021/200521-Estrategia_Espana_2050_7.pdf (accessed on 15.10.2021).

Rodríguez O. (2021) “España cierra 2020 con un paro juvenil del 40%” // *El Independiente*, 28.01. URL: <https://www.elindependiente.com/economia/2021/01/28/espana-cierra-2020-con-un-paro-juvenil-del-40/> (accessed on 5.10.2021).

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. URL: <https://spkurdymov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyj-opasnyj-klass.pdf> (accessed on 29.12.2021). (In Russ.)

Torres Albero C. (2015) *España 2015: Situación social*. Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas.

Zhvitiashvili A.Sh. (2017) “Prekariat v sisteme trudovykh otnoshenij (na primere zapadnykh stran)” [Precariat in the System of Labor Relations (Western Countries Case)] // Golenkova Z.I., ed. *Sotsial’noe prostranstvo rossijskikh regionov* [Social Space or Russian Regions]. Moscow: Institut sotsiologii RAN: 52–72. URL: [https://dep_siup.pnzgu.ru/files/dep_siup.pnzgu.ru/socialnoe_prostranstvo_rossijskikh_regionov\(2\).pdf](https://dep_siup.pnzgu.ru/files/dep_siup.pnzgu.ru/socialnoe_prostranstvo_rossijskikh_regionov(2).pdf) (accessed on 29.12.2021). (In Russ.)